

В зале ожидания для родственников не осталось никого, кроме них. За окном висела ночная тьма, а внизу шумела оживленная улица Нинюань — место, где их пути пересеклись впервые.

У Лян Чэна пересохло в горле, но он не решался отойти даже за водой. Сиплым голосом он спросил:

— Господин Сунь — твой начальник?

Цяо Юаньлинь кивнул:

— Угу.

Мало ему работы в редакции, так еще и в больнице дежурит. Лян Чэн спросил:

— Ну и как тебе на настоящей работе? Устаешь?

Цяо Юаньлинь наконец заговорил:

— Вполне нормально.

Давние мечты обоих сбылись. Лян Чэн сжал в кулак правую руку — ту самую, которой теперь держал скальпель, — и сказал:

— В прошлый раз все произошло так быстро, что я не успел спросить. Как твоё здоровье все эти годы?

— Как обычно, — ответил Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн спросил:

— Этим летом проходил медосмотр?

Медосмотр он прошел вместе с оформлением в штат. Цяо Юаньлинь ответил:

— Проходил, вместе с оформлением на работу. Спасибо за заботу, но я не твой пациент. Уже поздно, мне пора.

— Я как раз закончил смену, — Лян Чэн помедлил. — Я провожу тебя.

Цяо Юаньлинь вежливо улыбнулся — так вежливо отказываются от помощи незнакомцев — и произнес:

— Не стоит беспокоиться, нам в разные стороны.

Лян Чэн смотрел ему вслед. Цяо Юаньлинь будто вытянулся, стал более статным и подтянутым, но в его худощавой фигуре все еще чувствовалось что-то юношеское.

Куда в итоге продали тот подержанный мотоцикл? Сколько сейчас стоит проезд за одну поездку? Выгодно ли было петь песню за пять юаней или это приносило одни убытки?

Каковы результаты медосмотра? Куда он пошел, выйдя из больницы — на восток или на запад? И сколько в этих словах «нам в разные стороны» было искреннего равнодушия, а сколько — затаенной обиды?

Он ничего этого не знал.

Позже Цяо Вэньюань позвонил еще раз. Цяо Юаньлинь понял, что отвертеться не удастся, и в субботу утром, прихватив с собой корзину фруктов, отправился в гости в новый дом отца.

Элитный жилой комплекс, утопающий в зелени деревьев, а неподалеку — оживленный торговый квартал. Судя по свадьбе и этой квартире, Цяо Юаньлинь видел, что отец относится к новым отношениям очень серьезно.

Но зачем было обклеивать все окна иероглифами «двойное счастье»? Они ослепляли еще издалека.

Цяо Юаньлинь позвонил в звонок. Дверь открыла Хэ Цзе. Она была без макияжа, ее длинные волосы были небрежно собраны на затылке. От нее веяло той мягкостью и нежностью, которую он с детства видел только в сериалах.

Хэ Цзе с улыбкой произнесла:

— Заходи скорее, на улице, небось, упарился.

Прихожая была просторной, в несколько квадратных метров. Сменяя обувь, Цяо Юаньлинь огляделся: добротный американский стиль, просторно, вот только в новой квартире совсем не чувствовалось уюта обжитого дома.

Из кухни вышел Цяо Вэньюань:

— Ребрышки замариновал, кальмара надрезал сеточкой.

У Цяо Юаньлиня едва не вырвалось крепкое словцо. Больше десяти лет он ел то, что готовила домработница, и надо же — дожил до дня, когда Цяо Вэньюань сам встал у плиты. Интересно, а сбежать еще не поздно? Он спросил:

— Пап, ты позвал меня, чтобы накормить своей стряпней?

— Поменьше язви, — Цяо Вэньюань снял фартук. — Проявлял бы сыновнюю почтительность — сам бы мне что-нибудь приготовил.

Хэ Цзе, больше всего боясь их ссоры, поспешила вмешаться:

— Сядьте отдохните оба. Лао Цяо, ты же обещал помогать? Почисти чеснок. Юаньлинь, оцени сегодня мою стряпню.

Обеденный стол был рассчитан на шестерых, вдоль него тянулась вышитая дорожка. В обычных домах на нее ставят вазы или корзины с фруктами, а здесь стояли электронный тонометр, глюкометр и большой флакон антисептика для рук.

Цяо Вэньюань как бывший руководитель привык ко всем относиться непредвзято, стараясь никого не обделять вниманием. Он спросил:

— Хэ Цзе, ты звонила Лян Чэну? Позови его пообедать с нами.

— Звонила, — ответила Хэ Цзе. — Но он вряд ли сможет. С самого утра его вызвал какой-то капризный старик, так что он уехал в больницу на дежурство.

Цяо Вэньюань настоял:

— Набери еще раз, спроси, освободится ли он к обеду.

Хэ Цзе ушла в гостиную за телефоном. Цяо Юаньлинь недовольно буркнул:

— Разве ты не говорил, что приглашаешь только меня?

— Мы теперь одна семья, чем больше народу, тем веселее, — Цяо Вэньюань подумал, что сын ревнует. — Я все равно люблю тебя больше всех. Ладно, не хмурься. Сходи в спальню, посмотри, может, нужно что-то докупить.

Цяо Юаньлинь и не думал переезжать сюда, поэтому остался сидеть на месте. Атмосфера становилась все более неловкой. Чтобы как-то разрядить обстановку, он взял из корзины киви, специально испачкал руки в ворсинках кожуры и пошел на кухню мыть руки.

Из-за шума воды шагов было не слышно. Вошла Хэ Цзе и заботливо протянула ему полотенце.

— Спасибо, — Цяо Юаньлинь вытер руки и привычным движением аккуратно сложил полотенце плотным ровным квадратом.

Заметив это, Хэ Цзе сказала:

— Лян Чэн все еще занят, он не придет.

Эти слова прозвучали немного неожиданно, и Цяо Юаньлинь интуитивно спросил:

— Вы ведь знаете, что мы с Лян Чэном были знакомы раньше?

Хэ Цзе кивнула. Лян Чэн рассказал ей об этом сразу после свадьбы. Поколебавшись несколько секунд, она произнесла:

— Лян Чэн упомянул, что ты знаешь о его прошлом. Я была удивлена, ведь он никогда ни с кем этим не делился. Похоже, вы действительно были близки.

Цяо Юаньлинь не хотелось ворошить прошлое, и он возразил:

— Нет, я знаю лишь в общих чертах.

Хэ Цзе взяла киви, почистила его, нарезала красивыми ломтиками и разложила на тарелке. Затем, повинуясь привычке, открутила крышку банки со сгущенкой и щедро полила фрукты.

— Так они не будут кислить.

Сказав это, они оба на мгновение замерли.

Цяо Юаньлинь смотрел на Хэ Цзе. Мать Лян Чэна была такой внимательной, заботливой и доброй... Почему же тогда, в прошлом, ее не было рядом?

— Юаньлинь? — позвала его Хэ Цзе.

Цяо Юаньлинь покачал головой. Он по-прежнему не мог переступить через себя, поэтому решил высказаться напрямую:

— Тётя, вы вышли замуж за моего отца и формально стали мне матерью. Но я... не могу принять вас как близкого человека.

Хэ Цзе ничуть не удивилась. Она мягко ответила:

— Слово «мама» слишком священно, я не претендую на это звание. Но я буду относиться к тебе как к собственному сыну.

— Дело не в вас, это мои проблемы, — Цяо Юаньлинь не знал, поймет ли она его. — Я знал Лян Чэна давным-давно, но все это в прошлом, я не ожидал, что мы снова встретимся. К тому же теперь по закону он мой брат, и мне трудно с этим смириться.

Хэ Цзе понимающе кивнула:

— Тебе не нужно терзать себя. Лян Чэн всегда будет моим сыном, но по закону он не имеет к нам никакого отношения.

— Что? — Цяо Юаньлинь растерялся.

Хэ Цзе объяснила:

— Лян Чэн родился в родильном отделении той больницы, где я работала. Собственные родители бросили его, и я усыновила мальчика.

Цяо Юаньлинь в изумлении приоткрыл рот.

— А после того происшествия, — продолжила Хэ Цзе, — я аннулировала усыновление.

От автора: Небольшая подсказка: в прологе упоминается старик Сунь, которого перевели в больницу Лян Чэна — это отец начальника Сяо Цяо. (Я и сам забыл, сначала написал фамилию Бай, но потом проверил и исправил на Сунь).

Готовила Хэ Цзе действительно хорошо. И пусть обед не ломился от изысков, такие простые домашние блюда были для Цяо Юаньлиня редкостью.

Заметив, что он ест не торопясь, Хэ Цзе тоже стала есть медленнее. Из-за этого Цяо Вэньюань не мог подгонять сына и лишь ворчал:

— На свадьбе ты уплетал все с такой скоростью, я уж подумал, что ты исправился.

Хэ Цзе с улыбкой ответила:

— Это значит, что моя еда стоит того, чтобы наслаждаться каждым кусочком.

Цяо Юаньлинь вынужден был признать, что его неприязнь постепенно угасала. Общаться с Хэ Цзе оказалось гораздо приятнее, чем он предполагал.

После обеда Цяо Вэньюань и Хэ Цзе отправились на прогулку. Они переехали совсем недавно, и им хотелось лучше осмотреть окрестности жилого комплекса.

Оставшись один, Цяо Юаньлинь заскучал и решил осмотреть квартиру. Помимо кабинета и хозяйской спальни, здесь оставались еще две пустующие спальни и небольшая кладовая. В той, что побольше, имелись отдельные ванная и гардеробная, а в той, что поменьше, был балкон — у каждой были свои достоинства.

На стене висела мишень для дартса — любимая игрушка мальчишек. Цяо Юаньлинь взял один дротик, покрутил в пальцах его оперение и задумался о том, что Хэ Цзе рассказала ему на кухне.

Брошенный ребенок, сирота... Настоящий отец Лян Чэна так и не объявился, а единственное, что было известно о биологической матери — ее фамилия Лян.

Хэ Цзе не могла иметь детей. Ее муж, юрист по имени Чжао Цзяньчжэ, уже много лет выказывал ей свое недовольство. Решение усыновить Лян Чэна она приняла частично из жалости, а частично — чтобы заполнить пустоту от отсутствия собственных детей.

Но Чжао Цзяньчжэ невзлюбил чужого по крови ребенка. Их брак трещал по швам, и однажды, проиграв крупное судебное дело, он впервые поднял руку на Хэ Цзе.

Домашнее насилие, побои и угрозы, стоило ему протрезветь... Будучи врачом, Хэ Цзе оказалась не в силах исцелить собственную жизнь. Лян Чэн рос в такой обстановке замкнутым и холодным, повзрослев слишком рано. Он никогда не утешал Хэ Цзе словами, но всегда молча заслонял ее своей спиной.

Шли годы, и мишенью для жестокости Чжао Цзяньчжэ все чаще становился подрастающий приемный сын. Лян Чэн никогда не плакал и не кричал. Весь в синяках и ссадинах, он просто брал рюкзак и уходил. При этом он всегда учился лучше всех, неизменно занимая первое место в классе. Чжао Цзяньчжэ как-то повалил его на пол и, наступив подошвой на лицо, сквозь зубы процедил, что в его жилах, должно быть, течет кровь какого-нибудь баловня судьбы.

Этот кошмар продолжался до тех пор, пока одиннадцать лет назад, в один из вечеров, Лян Чэн не зашел в кабинет в поисках книги и случайно не взял рабочие документы Чжао Цзяньчжэ.

<http://bllate.org/book/18284/1753061>